

«ОБРАЗЫ ИТАЛИИ» П. МУРАТОВА. Т. 1.

Изд. «Научного Слова». Ц. 2 р. 25 к.

Это — третья книга об Италии за истекший год. «Итальянские впечатления» В.В. Розанова и «Моя Италия» Трубникова¹ — очень личные книги. Первая из них интересна фантастической индивидуальностью своего автора, который все вечные ценности Италии мерит на свой петербургский аршин. Книга Трубникова — эстетическое гурманство, отбрасывающее только исключительное и редкое.

«Образы Италии» — книга иного порядка, еще мало известного русской литературе. Муратов — не специалист и не имеет претензий писать диссертацию по истории итальянского искусства, с другой же стороны он — и не путешественник-импрессионист, который облекает в «стиль» лирические междометия своей записной книжки и случайно вычитанные исторические детали. Когда он путешествовал по Италии, его взгляд был вооружен не только чувством, но и знанием, не только фактами, но и пониманием сердец тех ученых любовников Италии, которых он избрал своими вожатыми. Между ними он выбрал тех, в которых сосредоточен вкус последнего 20-летия. Он путешествовал уже не по Рескину.² Ему интимно близки — и четкий Симондс, и калейдоскопически-пестрый Филипп Монье, и высокохудожественный Уолт Патэр, и особенно Бернгард Бэрнсон.³ Таким образом, он смотрит, вооруженный всеми последними открытиями европейского вкуса, зная весь сложный и осторожный его путь среди сокровищ Италии, не избегая широких путей и не пропуская маленьких тропинок, что приближает его книгу к трудам Андре Мореля⁴ («Les petites villes d'Italie» и «Un mois à Rome»), недавно увенчанной академией. Он не стремится исчерпать всех тем, всегда придерживаясь рамок виденного. От «Летейских вод» Венеции (жаль, что ему осталась, по-видимому, неизвестна книга Барресса «Amorì et

dolori sacrum»⁵) он переходит к строго-пышному Тинторетто, от Тинторетто к венецианскому XVIII веку, и тень Казановы служит ему Вергилием.⁶ По пути во Флоренцию он навещает Джотто на Падуанской арене и Мантенью в Эремитани.⁷ Он умеет заинтересовать еще неоткрытыми для не-историков мастерами забытой Феррары – Франческо Косса, Тура и Эрколе Роберти, найти для болонских академиков примиряющие определения и даже наметить те пути, по которым современный вкус сможет вновь подойти к ним. Но сердце его Италии – Флоренция. Не случайно, говоря в предисловии об отношении русской литературы к Италии, он отмечает, что для пушкинской эпохи Италия – это были Венеция и Неаполь, для Гоголя и 40-х годов – Рим, теперь же (со времени «Воскресших богов» Мережковского⁸) – Флоренция – колыбель и могила Кватроченто. К XIV веку лежат и его симпатии. В этих главах он интересно намечает историю понимания Боттичелли и доводит до XVI века, до эпохи Бронзино, удачно иллюминируя его портреты отрывками из трагедии Вебстера.⁹ Повторяя классический образ Эмиля Маля о готическом орнаменте, он рассказывает о том, как после весны XIII века наступает лето XIV, осень XV и, наконец, зима XVI (стр. 196). Книга заключается странствиями по городам Тосканы (Прато, Пистойя, Пиза, Лукка, Сан-Джеминьяно и Сиена) и приближением к Риму. Второй том (обещанный в феврале 1911 года) охватит Рим, Неаполь, Сицилию, Умбрию и Ломбардию. Та терпимость вкуса (но не эклектизм), которая отмечает П. Муратова, придает его стилю спокойную и ясную уравновешенность, лишь кое-где слегка тронутую, как бы позлащенную лирическими картинами природы. Если эта книга (все же слишком многого и многих не касающаяся) и не может служить руководством для едущих в Италию, то для тех, кто уже бывал в Италии, она неоцененна: она пробуждает угрызения совести о незамеченном и пропущенном и рождает творческую тоску по Италии.